

Владимир ПОПОВ, профессор Российской экономической школы

ДРАКОН И ЮАНЬ

КИТАЙ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ ВОПРОКИ ИЛИ БЛАГОДАРЯ РЕЛИГИИ?

Религия и экономический рост

Немецкий социолог Макс Вебер еще в начале XX в. выдвинул гипотезу, что рост экономики во многом определяется религиозными факторами. В частности, бурное развитие капитализма в Европе в XVI–XVII вв. он связывал с появлением протестантизма, который создавал особые этические стимулы для уважения собственности и контрактов, для честного и упорного труда, для сбережений. С тех пор на культурно-религиозные факторы часто ссылаются при объяснении различий в экономическом развитии. Например, еще 100 и даже 50 лет назад отставание Китая объясняли конфуцианством (субординация подавляет инициативу, препятствует инновациям и техническому прогрессу), а сейчас этим же конфуцианством объясняют бурный китайский рост (дисциплина, четкая субординация, порядок).

Подобным же образом дело обстоит и с социальными институтами. Например, с особыми отношениями между бизнесом и правительством (промышленная политика), банками и нефинансовыми корпорациями (финансовые группы), нанимателями и рабочими (система пожизненного найма) в Японии в частности и в Восточной Азии в целом. В 1970-е гг. эти институты считали причиной бурного роста Японии (Japan incorporated), а после азиатского валютного кризиса 1997 г. такие «приятельские отношения» (crony capitalism) стали рассматривать в качестве одного из основных факторов, вызвавших этот кризис.

При этом экономисты все-таки такими религиозно-культурными объяснениями увлекаются меньше, чем другие гуманитарии. В экономике все же считается, что ссылки на эфемерные социально-культурные факторы делаются тогда, когда не получается объяснить различия в экономической динамике другими осязаемыми причинами – исходными условиями, внешними шоками, институтами, правительственной политикой. Современные исследователи-экономисты, широко используя статистические методы обработки данных (World Value Survey – подробный опрос жителей разных стран об их моральных ценностях и поведении дает богатую статистику), находят, что религиозность положительно, но слабо влияет на экономический рост. При этом, если такое влияние есть, то неважно, какая эта религия – протестантизм, мусульманство, буддизм или какая-нибудь другая.

В некоторых статьях (сошлемся только на одну – Роберта Бэрроу, авторитета в области исследования роста, и Р. Макклири) проводится различие между религиозной убежденностью (уверенностью в том, что рай и ад существуют) и частотой посещения церквей и храмов. Оказывается, если религиозная убежденность способствует росту, то частое посещение церквей препятствует. Объяснение – вполне логичное и довольно циничное, за что обычно и упрекают экономистов: религия – это отрасль производства, она потребляет время людей (которое они проводят в церкви и в молитвах) и производит моральные принципы, представления о добре и зле. Как и в любом производстве,

эффективность отрасли тем выше, чем меньше ресурсов затрачивается и чем больше продукции производится. Так что рост больше в тех странах, где четкие представления о добре и зле формируются без особых затрат времени на посещение храмов.

Для справки: более 50% населения посещают церкви один и более раз в неделю в Нигерии, Ирландии, на Филиппинах, в ЮАР, Польше, Пуэрто-Рико, а менее 10% – почти во всех республиках бывшего Советского Союза (в России – всего 2%), в Китае – 9%, в скандинавских странах, Исландии и в Японии – 3%. На Тайване, кстати, немногим более – всего 11%. В Южной Корее – 14%.

Собственно говоря, именно в этом и кроется «китайский секрет» быстрого роста без религии: в Китае, да и во многих других странах Восточной Азии, в которых сильна китайская культурная традиция, удается поддерживать строгие моральные принципы без религии.

Во что верят китайцы?

Общее число верующих оценивается в Китае примерно в 100 млн человек, порядка 10% взрослого населения, в том числе 20 млн мусульман, 10 млн протестантов, 8 млн ламаистов (практически все тибетцы), 4 млн католиков. Одних только профессиональных служителей культа насчитывается 0,3 млн, а протестантских семинарий – 13. Пять религий – даосизм, буддизм, протестантизм, ислам, католичество – представлены во второй палате китайского парламента – Народном политическом консультативном совете. Недавний опрос (China Daily от 7 февраля 2007 г.) 4500 человек по всему Китаю показал, правда, что верующими считает себя 31% взрослого населения, но одно дело считать себя верующим, а другое – регулярно ходить в церковь. Американский госдеп, ежегодно готовящий доклад о свободе религии в мире, насчитывает 8% буддистов, 1,4% мусульман, примерно 1% протестантов и 0,5% католиков (плюс еще 2,5% протестантов, не посещающих церкви). Есть также 25 000 даосистских храмов, но сколько людей их регулярно посещает, неизвестно, причем посещают их, видимо, также и те, кто называет себя буддистами.

В Китае три главные «религии» – конфуцианство, даосизм, буддизм – всегда мирно сосуществовали, а большинство рядовых китайцев не видели и не видят в них особого различия. При танской династии (618–904 гг. н.э.) китайский буддизм достиг расцвета, хотя в IX в. власти и конфисковали имущество 45 тыс. монастырей. Основатель монгольской династии Юань, будущий китайский император Хубилай, в 1258 г. приказал сжечь буддистские книги, однако покровительствовал ламаизму, или буддизму в тибетско-монгольском варианте. С этого далекого времени конфликтов на религиозной почве в Китае практически не отмечалось.

Конфуцианство (философско-этическое учение) и даосизм (то же плюс набор языческих мифов) никогда религиями не были, а буддизм на китайской почве, при переводе священных книг на китайский, превратился из религии со строгими заповедями в красивые сказки, и не более того. По мере продвижения Будды и его перевоплощений на Восток – из Индии в Тибет и далее в Китай, Юго-Восточную Азию, Корею и Японию – росли их животы, символизирующие в Китае не только богатство и довольство, но и терпимость. Китайцы убеждены, что пребывающий в согласии с собой человек, сознание которого не терзает сомнения и гамлетовские вопросы, должен прибавлять в весе. Китайские будды поэтому всегда хорошо упитанны и блаженно или хитровато улыбаются. Глядя на китайские изваяния будд, трудно представить себе, что они сильно переживают по поводу несовершенства мира и проявят снисходительность к человеческим прегрешениям.

Другие буддистские боги тоже утратили метафизическую бесплотность и стремление к нирване: Амитабе, повелителю райской Чистой Земли, китайцы вменили в обязанность

обеспечение верующих посмертными райскими удовольствиями. Если в индийском буддизме монахи должны были достигать совершенства через молитвы и самоочищение, то практичный китайский чань-буддизм (то же, что и японский дзэн-буддизм), хоть и не искоренил монахов совсем, как Лютер и другие реформаторы в протестантских версиях христианства, но все-таки провозгласил труд обязанностью монахов и приравнял его к медитации. Сплошь и рядом китайские монахи участвовали в военных действиях, пренебрегая буддистскими заповедями «не убий», «не тронь ничего живого» и т.д.

Вот описание китайских монахов Иосифом Кривелевым: «Как известно, буддийские монахи именовались бхикшу – нищие. Они должны были питаться подаянием, ходить в лохмотьях, не есть мяса, и т.д. В Китае эти установления приняли довольно забавный вид. Пройдя по городу с чашей для подаяния и собрав в нее несколько горстей риса, монах приносил его в монастырь, там он поступал в общий котел, где готовилась пища для рабов и младших послушников; сами же «нищие» вкушали обильный обед, тем временем приготовленный для них в монастырской кухне. Чтобы выполнять предписание о ношении лохмотьев, подвижники разрезали свои дорогие шелковые одежды и сшивали их».

Вдобавок и китайские боги, как и японские, беспрепятственно кочевали из одного пантеона в другой. Сам Будда был включен в даосский пантеон, где занял место рядом с Ю Хуан Да Ди (мифический яшмовый небесный император) и Лао-цзы (реальный китайский философ 6–5 вв. до н.э., основоположник даосизма). Короче, религия в Китае и раньше и сейчас сильно приземлена и, что называется, ориентирована на человека; она не требует от него не только невозможного, но и вообще ничего не требует – с богами, как и с людьми, всегда можно договориться, а в крайнем случае можно пойти наперекор и сделать по-своему – сами горшки обжигать умеем. Религии же в полном смысле этого слова, такой, которая бы поддерживала моральные устои через энное количество заповедей, в Китае нет. Вообще.

В Японии, кстати сказать, конформизма тоже хватает – буддизм соединился с синтоизмом так, что уже не разберешь, где что. В указе императрицы Сётоку 765 г. было велено считать синтоистских богов перевоплощением буддистских богов и святых, а буддистским монахам и синтоистским жрецам предписывалось участвовать в совместных богослужениях и празднествах. Да и с богами все в Японии на дружеской ноге, так же как и в языческих религиях. Вот типичная картинка: к маленькому каменному Будде, стоящему у фонтанчика в подземном переходе, где движется бесконечная толпа людей, подходит то один, то другой, моет ему животик, бросает мелкую монетку, шепчет пару слов – то ли об экзаменах сына-студента, то ли о курсе акций, и идет дальше как ни в чем не бывало. Ни долгих молитв, ни крупных подношений, никто богов особенно не боится, они и сами-то не такие уж праведники: один жадный, другой хитрый, третий чревоугодник.

В Японии, правда, буддистские храмы все-таки посерьезнее, чем синтоистские: туда приходят, когда человек умирает, приходят в горе, а не в радости. И конфликты между религиями все-таки были, хотя, конечно, и не такие кровавые, как в Европе. При токугавских сёгунах буддизм фактически сросся с государством: каждый японец был прикреплен по месту жительства к определенному буддистскому приходу. Посещение храма по праздникам стало обязательным, а приходской священник выдавал каждому что-то вроде внутреннего паспорта, который мог быть им же и отобран за неправильное поведение. Революция Мэйдзи 1868 г., уничтожившая сёгунат и восстановившая самодержавие микадо (императора), воскресила синтоизм как государственную религию и сопровождалась преследованиями буддистского духовенства.

Христианство в Китае пытались импортировать бесчисленные миссионеры, но без особого успеха. Выпускники протестантских семинарий в Америке в XIX и даже в первой половине XX в. делились на три группы – лучшие посылались в Китай и Японию, следующие за лучшими по успеваемости – в Индию, самые слабые – в Африку. Однако даже и для миссионеров «с красными дипломами» практичные китайцы оказались крепким орешком. К

настоящему времени в Китае насчитывается 16 млн христиан (официальные данные 2005 г.) на 1,3 млрд населения.

Конфуцианство, которое, как часто говорят, заменяет в Китае религию, на самом деле ничего не заменяет. Это одно из учений одного из философов о моральных нормах, законе и порядке, почитании старших и т.д., на котором, но не только на нем, основываются современные моральные устои. Очень похоже на моральный кодекс строителя коммунизма: бога нет, но честным надо быть перед самим собой, перед родителями, перед народом – и не из-за страха, что бог покарает, не из-под палки и не в надежде на билет в рай, а просто потому, что по-другому непорядочно, стыдно перед людьми. Собственно говоря, это моральный кодекс атеистов – нам не нужен всевидящий бог-контролер, чтобы вести себя прилично, мы не дети, мы не ворует, даже когда всевидящий не смотрит. Китайская культура – самый, может быть, убедительный пример того, что этические нормы могут поддерживаться и без Бога, что для морали религия не необходима.

Откуда в Китае мораль без религии

Как и в любом национальном характере, в китайском малопримечательных черт больше чем достаточно. И написано об этом тоже немало. Есть даже книга «Гадкий китаец и кризис китайской культуры», написанная тайваньскими авторами, но доступная и в континентальном Китае и переведенная на английский. Говорят, что китайцы жадные, нечестные и вороватые, что у них нет никакого чувства собственного достоинства и что они за небольшие деньги готовы забыть свои обещания, а то и предать, что они нечистоплотные (в отличие, скажем, от японцев) и все время едят, не останавливаясь, где бы ни находились. Конечно, Китай большой и китайцы разные, как и люди в других странах. Но если брать среднестатистический случай, в том, что говорят, много правды.

Китайцы действительно своего не упустят: если вы на минуточку расслабились, стоя в очереди, перед вами непременно появятся как из-под земли несколько китайцев. Если что-то дают бесплатно, то первыми это получают китайцы. Особенно славятся своей пронырливостью и умением устроиться шанхайцы. В битком набитом шанхайском ресторане пропал свет на 5 минут, а когда его снова включили, никого уже не было, вся публика ушла, не заплатив, остались только мама с дочкой, приехавшая из другой провинции, – печать полна подобного рода историй. Я видел, как набрасываются на шведский стол с ограниченным запасом халявного съестного китайцы – толпой, отталкивая всех подряд, с горящими глазами, полностью забыв про все на свете. (Справедливости ради надо сказать, что довольно успешно в этой толпе действовали и шведские студенты – не такие шустрые, как китайцы, но выше ростом.) Да и помощь вам никто не бросится оказывать, если вы, скажем, сломали ногу на улице, – пройдут мимо, скажут, что спешат. Как писала как-то китайская газета, в наши дни, если человек жертвует малой толикой своих личных интересов во имя сохранения достоинства или же просто не берет, что ему не принадлежит, он становится чуть ли не героем.

Однако есть и обратная сторона китайской бессовестности, часто ускользающая от иностранных туристов. Полное пренебрежение к окружающим, постоянная готовность и даже стремление «объесть» соседа и взять что плохо лежит, характерны только по отношению к незнакомцам. Что же касается своих, то здесь действуют строгие нормы ответственности, понятия долга и чести и принцип круговой поруки. Насколько безразлично, если не сказать наплевательски, относятся китайцы к чужакам, настолько же они внимательны, предупредительны и заботливы по отношению к членам своей «общины», будь то предприятие, деревня, многоэтажный дом или хутун в городе. Стоит незнакомым прежде китайцам оказаться объединенными какой угодно общностью, хотя бы и обеденным столом, они буквально преображаются, начинают предлагать друг другу лучший кусок. Общинные, по сути своей, правила в Китае сильнее, чем где бы то ни было: нечестный поступок по отношению к постороннему считается чуть ли не доблестью, но не

дай бог совершить что-то подобное по отношению к соседям или коллегам – страшный позор, потеря лица, несмываемое пятно на всю жизнь, да еще и детям припомнят.

А теперь самое важное: порядочными не рождаются, а становятся. Рецепт совершенного английского газона, как известно, до примитивности прост – стригите траву каждый день, и через 200 лет ваш газон будет не хуже, чем в Англии. В Китае в недавнем прошлом стригли каждый день, и теперь прогресс налицо. Факт состоит в том, что в период правления Мао (1949–1976 гг.), несмотря на все репрессии времен «большого скачка» и «культурной революции», моральные устои великой нации были подняты на недостижимую для большинства стран высоту. Инкассаторы с изъятых выручкой везли ее в банк на велосипеде или общественном транспорте, милиции практически было нечего делать, уровень убийств составлял в 70-е гг., по оценкам, менее 1 человека на 100 000 человек населения (у нас сейчас – 20, в США – 6–7, в Европе – 1–2, в Китае сейчас – 2,4). Воровство, бандитизм, проституция и другие язвы капитализма были искоренены практически полностью, бескорыстное служение своему народу было не просто провозглашено, но и стало для миллионов истинным смыслом жизни.

Так что не столько Конфуций, сколько Мао Цзэдун, которого от Конфуция отделяют без малого 25 столетий, внес наиболее весомый вклад в поддержание моральных устоев. Те, кому сейчас за 50 и кто прошел в юности «культурную революцию», учили в школе наизусть и помнят до сих пор «лао сань пянь» – три коротких классических эссе Мао. Каждое из них – о смысле жизни и о морали. Одно написано на смерть Нормана Бетьюма – канадского врача-добровольца, работавшего в Китае в тяжелые годы гражданской и антияпонской войн и умершего от заражения крови, когда он случайно порезался, оперируя девочку. Это о том, что Норман Бетьюм забыл в Китае и стоило ли ему туда приезжать. Кстати, самим канадцам это имя мало что говорит. Приезжая в Китай и обнаруживая твердую убежденность 1 млрд человек в том, что главный вклад Канады в мировую цивилизацию – это Норман Бетьюм, а не хоккей, они нередко выглядят озадаченными; китайцы же, приезжающие в Канаду, удивляются, обнаруживая, что далеко не все канадцы обладают бескорыстностью Нормана Бетьюма и даже знают, кто он такой.

Другое эссе называется «Служить народу». Это выступление на траурном митинге, посвященном памяти Чжан Сыдэ – простого бойца охраны ЦК КПК, который погиб даже не в бою, а выжигая уголь в горах провинции Шэньси, на своем рабочем посту, как погибали тогда в Китае миллионы. Мао цитирует слова древнего китайского литератора Сыма Цяня: «Все люди обречены умереть, но смерть одних тяжелее горы Тай, а смерть других легче лебяжьего пуха». «Товарищ Чжан Сыдэ, – сказал Мао, – умер за интересы народа, его смерть весомее горы Тайшань».

Наконец, третье эссе – «О старом дураке, передвигающем горы» – основано на древней китайской притче. Отец с двумя сыновьями задумал срыть две огромные горы, загромождавшие вход в его дом, одними мотыгами. Когда его сосед смеялся и называл его глупым, он отвечал примерно так: горы высоки, но они не растут, так что если я и мои сыновья каждый день будем отнимать от горы понемножку, а потом мои внуки, а потом правнуки и так дальше, в конце концов мы сдвинем эти горы. Настойчивость Старого Дурака у Северной Горы (именно так переводится его имя – Бэй Шань Юй Гун) тронула Бога, и он послал на землю двух фей, которые перенесли горы. У нас тоже две горы, продолжал Мао, империализм и феодализм. Если мы будем неустанно трудиться, чтобы срыть эти две горы, мы тоже растрогаем бога. Наш бог – это китайский народ, если весь народ поднимется, неужели мы не сдвинем горы?

Упомянутая книга «Гадкий китаец» не была запрещена в Китае именно потому, что правительство посчитало ее инструментом воспитания нравов. Пресса вела настоящую войну с «отвратительными проявлениями пережитков феодализма», призывая к добросовестности и ответственности. И не только пресса. Борьба за качество и честный

бизнес стала национальным приоритетом. Качественными товарами предприятия гордились, а о недоброкачественных изделиях и обслуживании власти призывали сообщать в инстанции.

На центральной торговой улице Ванфуцзин в Пекине прямо перед универмагом №1, который раньше был чем-то наподобие нашего ГУМа и который в период реформ постигла та же судьба (теперь открылось множество торговых центров, затмевающих универмаг по роскоши и по размеру), стоит памятник передовику производства Чжан Бингую, который большую часть своей жизни работал в этом универмаге простым продавцом и умер в 1987 г. Чжан Бингуй был очень внимателен и вежлив с покупателями: говорят, он одним движением руки клал на весы ровно столько товара, сколько просил покупатель. Он не был ни генералом, ни крупным организатором производства, но он прожил свою жизнь достойно. На постаменте памятника надпись, воспроизводящая каллиграфию Чэнь Юня – секретаря партии по экономике сразу после революции: «Огонь его души будет светить всему Китаю».

* * *

Сегодняшний высокий уровень китайских моральных стандартов – это в значительной степени наследие дореформенного, маоистского периода. Причем даже не столько коммунистической пропаганды, сколько реальных действий по искоренению преступности и аморального поведения. Потому что ничто так не укрепляет моральных устоев, как неотвратимость наказания. Бесценное наследие «великого кормчего» – создание независимого сильного государства с работающими институтами – признают за великое достижение даже противники маоизма. Таких сильных государственных институтов не было в Китае как минимум с середины XIX по середину XX в. ни при императорах, ни при Гоминьдане; их создала только Компартия, часто авторитарными методами, но создала, взяв под контроль всю национальную территорию, прекратив внутренние войны и распри, снизив преступность до одного из самых низких уровней в мире. Впервые в китайской истории власть дошла до каждой деревни и до каждого крестьянина, так как КПК опиралась на сеть сельских ячеек и могла росчерком пера в центре менять направление движения огромной страны – такая властная вертикаль не снилась не то что Путину, но даже и Цинь Шихуанди.

Многое в Китае изменилось за почти три десятилетия экономических реформ. Капитализм принес с собой рост социального неравенства, преступности и коррупции, разложение госаппарата и его подчинение узкогрупповым интересам, снижение моральных стандартов.

Вопрос вопросов, от которого зависит будущее великой страны и цивилизации, – как не растерять с таким трудом и с такими жертвами выстроенную эффективную государственную власть при теперешнем переходе к рынку и демократии. Государство в Китае сейчас в опасности со всех сторон – его могут «украсть» у народа и «приватизировать» как набирающие силу доморощенные олигархи, провинциальные властные элиты, так и популистские группы. А при ослаблении институционального потенциала государства деградация моральных устоев неизбежна – отечественная история последних десятилетий лучшее тому подтверждение.